

Старец

Память детства. Она возвращает нас туда, куда нам уже никогда не вернуться, не пробежаться босиком, ног не чуя под собой, по росе, не броситься с диким восторгом в прохладу реки. Это она воскрешает нам все наши былые деньки вместе с шалостями, ошибками и просчётами. Все наши действия, наши поступки сокрыты, где-то в нашем подсознании, а значит, они всегда с нами и этот груз мы несём в себе до конца дней.

Тот летний день был на редкость жарким, знойным. Всё живое разбрелось, попряталось в тень, ища спасения от палящих лучей солнца.

Своё убежище от жары я вырыл в куче слежавшегося песка под густым кустом бузины. Умудрённый без малого шестилетним опытом жизни, опустил ноги в прохладную ямку и, черпая ладошкой из неё чуть влажный крупнозернистый желтоватый песок, строил незамысловатый замок с башнями и крепостной стеной.

Ближе к вечеру подул свежий ветерок, появились лёгкие кипельно-белые комочки ваты и поплыли себе неспешно по бледной голубизне неба.

Одно из них привлекло моё внимание особо. Оно очень напоминало белого медвежонка, которого мне подарили на день рождения. Только этот был гораздо крупнее и стоял на задних лапах, задрав мордочку кверху. Я так засмотрелся на это движущее куда-то чудо, что не услышал, как кто-то тихо открыл калитку и вошёл во двор.

Очнулся оттого, что стриженным своим затылком почувствовал чей-то взгляд. Я оглянулся - по спине побежали мурашки, но не от страха, а скорее от благоговейного трепета: у калитки в трёх шагах от меня стоял белый как лунь старик с моложавым лицом и, совершенно белой бородой почти по пояс. Первая мысль была, что это Бог, спустившийся на облаке с небес. Но тут я вспомнил, что бабушка как-то на вопрос: «А какой он Бог?» - ответила мне ласково, что его нельзя увидеть. Нам-де простым смертным не дано, зато он нас всех видит и все мы у него как на ладони. Ещё я вспомнил большую картину в деревянной рамке на стене. Там на высокой горе стоял Христос в окружении, как мне объяснила бабушка, семи апостолов в белых одеждах, с посохами в руках. Все они были в сандалиях, с такими же бородами.

И у этого старика, который сейчас стоял передо мной в руке тоже был посох, и одет он был в белые холщёвые одежды. Но больше всего меня поразили его глаза. Они были большие, пронзительной небесной голубизны, а взгляд открытый, толи вопрошающий о чём-то, толи испытывающий.

Взгляд этот я тогда не выдержал и опустил глаза. И тут же внимание моё привлекла его обувь - это были не сандалии, а настоящие лапти из лыка, заправленные в них онучи были крест-накрест перетянуты пеньковой бечёвкой.

За свои, худо-бедно прожитые, неполные шесть лет, я уже повидал немало нищих выпрашивающих милостыню. Были они в серой от пыли, старой латано-перелатанной одежке и в разбитой, часто просящей каши обуви.

Нет - это был не простой нищий, но кто он!? Моё сердчишко затрепетало от предвкушения предстоящей беседы с ним. Мне захотелось вдруг взять его за руку и скорее повести в дом, усадить за стол и послушать, что он скажет, о чём поведает, предавшись воспоминаниям пережитого, увиденного за время странствий. Но я так и продолжал стоять истуканом, не двигаясь с места. Лишь теплилась надежда, что вот сейчас выйдет моя матушка, позовёт старика в дом, накормит обедом и, конечно же, оставит на ночлег - ведь уже скоро ночь, да и тёмные тучи вдруг напозли откуда-то, а где-то вдали погромыхивает ворчливо, будто сердчая на кого-то простуженным басом гром.

Мать же, видимо увидав нас в окошко, вышла на крыльцо и, поспешно спустившись с него, сунула старику краюшку ржаного хлеба и две луковицы.

Тот с поклоном вежливо поблагодарил, аккуратно опустил подношение в холщёвую суму, что висела через плечо, перекрестился, и ещё раз поклонившись, удалился,

постукивая посохом о сухую твёрдую как камень, всё ещё горячую от дневной жары землю.

Я смотрел ему вслед, а внутри нарастала, как ком снега, закипала жгучая обида на мать, за то, что она не позвала, не пригласила в дом старика, а вынесла ему только эту чёрствую краюшку и эти две жалкие луковицы, как будто в доме больше ничего не было. Но ещё больше я досадовал на себя: почему сам не попросил мать оставить старика на ночь, не убедил дать ему приют до утра. Вероятно, где-то в глубине души я опасался тогда, что она на меня сразу же накричит и скажет ещё что-нибудь грубое, неприятное этому, уставшему от дальней дороги усталому путнику ненароком обидит его.

Робость и нерешительность помешали мне сделать этот решительный шаг, замолвить словечко.

Наверное, я ещё долго стоял бы так в смятении, потеряно глядя себе под ноги, если бы не строгий голос матери: «Быстро мой руки и за стол! Ужин стынет»!

Есть совершенно не хотелось. Но я поплёлся в дом, чтобы только не вызвать вспышки гнева, и чего доброго, не получить подзатыльник за медлительность.

А за окном меж тем стремительно темнело. Огромная, отливающая - свинцовой синевой туча, низвергая из недр своих молнии, сопровождаемые раскатами грома, медленно, но неотвратно надвигалась, закрывая собой пол неба. Вскоре после очередного страшного удара грома хлынул такой ливень, что в одночасье потемнело всё вокруг. Зашумели деревья, пригибаясь чуть ли не до земли, от резких порывов ломались и падали ветви.

После очередного раската, такого сильного, что, казалось, само небо расколется на две части, мать медленно опустилась на колени в углу перед иконой и стала торопливо читать молитву, шепча: «Прости нас грешных, Господи. Спаси и сохрани», бросая при этом на окна, где беспрестанно сверкали молнии, полные страха взгляды.

Я же, забившись в угол, уткнулся головой в подушку, глотая слёзы, всё думал о том старике, что ушёл неведомо куда со своей полупустой котомкой, усталый и, наверное, голодный, где-то он теперь в этот страшный ливень, в эту жуткую грозу.

Мне казалось, что это из-за нас Бог разгневался, потому и мечет молнии по всему небу, гремит и льёт эти потоки воды. Того дедушку он, наверное, защитит, укроет где-нибудь от дождя, не даст погибнуть ему на обочине.

От этой мысли стало немного легче, теплее чуть. Гром гремел уже где-то в стороне, дождь хоть и шёл, но был не такой сильный, а вскоре и вовсе затих.

Свернувшись калачиком, засыпая, я подумал, что может дедушка ещё вернётся, придёт обогреться, обсушиться и тогда я уж точно не отпущу его, не побоюсь заступиться, если что, замолвлю словечко за него. А он, поглаживая свою белую шелковистую бороду, добродушно улыбаясь, расскажет что-то такое, что мне запомнится и навсегда останется со мною.

Но он так и не пришёл и больше я никогда его не видел.

Только в памяти моей он с тех пор навсегда остался. И сейчас, когда закрываю глаза, вижу седого старца в белых холщёвых одеждах с котомкой.

А ещё тот пронзительный взгляд необычайно голубых глаз, пронизательный, испытующий. Кажется, что он до сих пор смотрит на меня с этой лёгкой своей укоризной и всё-всё про меня знает...